

— «Нью Ши» — это Яо Цзи, а трава яо на горе Гуяо — это проводник душ! — Он моргнул, постепенно осознавая, и спросил:

— ...Младший брат, ты что-то сказал?

— Ты неправильно услышал, — без выражения ответил Хо Вэй.

Му Цинцзя улыбнулся ему:

— Не волнуйся, я знаю, что делаю. В прошлый раз в театре произошло то же самое, только тогда это было пассивно, а сейчас более активно — и я чувствую, что мой контроль над Древом возвращения души усиливается.

Хо Вэй немного успокоился, но всё же не хотел с ним разговаривать.

Му Цинцзя продолжил анализировать:

— Трава яо забирает души слабых, через запах и поедание передаёт их более сильным, и так далее, пока...

— Та женщина, — мрачно сказал Хо Вэй.

— Именно, госпожа градоправителя, — Му Цинцзя погладил подбородок. — Госпожа градоправителя — это вершина этой цепи, связанной с пищей. Плюс её деятельность по разведению травы яо — эта женщина определённо связана с Яо Цзи.

— Благодетель? — вдруг произнесла девушка, собирающая травы.

Она не понимала, о чём они говорят, но по их выражениям поняла, что это нечто плохое, и побледнела:

— Благодетель, вы говорите, что с травой яо на горе Гуяо что-то не так?

Му Цинцзя вспомнил о её присутствии и улыбнулся, чтобы успокоить:

— Пока не ясно. Но что бы ни случилось, мы постараемся помочь жителям города Гуяо.

Девушка с сомнением кивнула, явно не до конца доверяя ему.

— Благодетель спас мне жизнь, я готова служить вам, но трава яо связана с жизнью и будущим всего города и его окрестностей... — Она опустила на колени и поклонилась. — Поэтому, пожалуйста, будьте осторожны в своих действиях.

— Так и должно быть у тех, кто следует пути бессмертия, не стоит так кланяться, — Му Цинцзя вздохнул. — И успокойся, что бы ни случилось, вина лежит на бедствиях и людях, а не на тебе.

— Благодетель? — Девушка ещё больше запуталась.

— Просто считай это безумием, — улыбнулся Му Цинцзя и поклонился. — Мы благодарны тебе за то, что ты привела нас. Поскольку ты потеряла корзину для трав и в лесу есть дикие звери, лучше вернуться домой пораньше. Позволь мне проводить тебя.

— Как я могу вас утруждать? Вы же спасли меня, как я могу просить вас ещё о чём-то? — Девушка несколько раз отказывалась, но Му Цинцзя настоял, и она согласилась.

Персиковое дерево превратилось в бочку высотой по пояс, и, когда девушка вошла внутрь, Му Цинцзя обернулся к Хо Вэю:

— Младший брат.

— Я понимаю, — сказал Хо Вэй, глядя на него.

Улыбка Му Цинцзя была усталой:

— Не тронь невинных. И будь осторожен.

Хо Вэй кивнул и больше ничего не сказал. Он наблюдал, как Му Цинцзя уходит с бочкой, в которой была девушка, а затем повернулся к зарослям травы яо, излучавшим нежно-жёлтый свет.

Они были бесчувственны, не имели ни злобы, ни раскаяния. Даже перед лицом жаркого золотого пламени они, казалось, не испытывали страха смерти.

Языки пламени лизали нежные лепестки, которые быстро обугливались, сворачиваясь, словно от боли, и в мгновение ока превращались в пепел.

На горе Гуяо вспыхнул огонь.

Но эти пожары, охватывающие участок за участком, горели всего несколько мгновений, прежде чем исчезнуть, оставив лишь тонкий дым, поднимающийся в небо, который фермеры могли принять за утренний туман.

Хо Вэй нашёл Му Цинцзя в трёх ли от города Гуяо.

Он сидел, скрестив ноги, под древним персиковым деревом, ветви которого раскинулись в стороны, образуя нежно-розовое облако. Мелкие лепестки персика падали на его лоб и виски, добавляя мягкости.

Хо Вэй чувствовал, что, глядя на него, его бурлящее внутри успокаивалось.

— Младший брат снова нашёл меня, — улыбнулся Му Цинцзя, опустив глаза. — Как будто ищешь свой меч.

Сравнение было точным, но немного странным. Хо Вэй промолчал, не зная, было ли это случайной фразой или намеренной.

Но Му Цинцзя уже привык к его молчанию, просто встал и стряхнул с плеч пыль и лепестки.

— Пойдём. Чем быстрее закончим, тем скорее вернёмся домой, — он улыбнулся. — Я уже начал скучать по османтусу и вину с горы Гаоту.

— Османтус будет только осенью, — заметил Хо Вэй.

— Ты такой зануда, — рассмеялся Му Цинцзя. — Осень так осень, времени ещё много, я подожду.

Хо Вэй не стал спорить, молча выразив нетерпение. На этот раз они не пошли через ворота, а пролетели над городом на мечях, направляясь к восточному рынку.

На Мече Тёмного Мотылька Му Цинцзя спросил:

— Младший брат, как ты думаешь, что составляет «я»?

— Ты — это ты, — ответил Хо Вэй.

Му Цинцзя улыбнулся:

— Такой ответ удовлетворил бы учителя, но не меня. Конкретнее, жизнь можно разделить на тело, душу и память. Ответь ещё раз.

— Тот, кто стоит здесь, — это Му Цинцзя, — упрямо сказал Хо Вэй.

— Ладно, — вздохнул Му Цинцзя. — У меня нет тела, нет памяти, только душа цела. Будем считать, что твой ответ — «душа».

Хо Вэй молчал, просто слушая.

Они пролетали над резиденцией градоправителя, и с высоты она выглядела как маленькая чёрная точка.

Му Цинцзя, глядя на город Гуяо, спросил:

— Как ты думаешь, госпожа градоправителя, поглотив столько чужих душ, всё ещё остаётся собой?

— Если тело цело, то после смерти душа не рассеивается в течение семи дней, — объяснил Хо Вэй. — Если он сможет за семь дней создать для этой женщины новое тело, она останется собой.

— Тогда зачем ей поглощать чужие души? — спросил Му Цинцзя.

Хо Вэй объяснил:

— Её воскрешение имеет изъяны, Небесное Дао не признаёт его, поэтому она использует чужие души, чтобы компенсировать утечку своей.

— А куда деваются те души, которые она поглощает? — спросил Му Цинцзя, глядя на него.

Хо Вэй не стал скрывать, его выражение стало задумчивым, словно он вспоминал что-то.

— Они сливаются с миром, возвращаясь к Древу Жизни и Смерти, — ответил он.

— Я впервые слышу о «Древе Жизни и Смерти», — улыбнулся Му Цинцзя. — Младший брат знает так много.

Хо Вэй промолчал.

— Если я не ошибаюсь, «Древо возвращения души» — это часть «Древа Жизни и Смерти», — продолжил Му Цинцзя. — Поскольку Древо Жизни и Смерти — это конечный пункт для душ, Древо возвращения души может идеально вмещать души, не расходуя их. Я прав?

Хо Вэй продолжал молчать.

Его выражение было смесью удивления, раздражения, беспокойства и других сложных эмоций, которые Му Цинцзя не мог разгадать.

Му Цинцзя, размышляя над его реакцией, с улыбкой поддразнил:

— Я такой умный, неудивительно, что догадался. Младший брат, чего ты так напрягаешься?

— Старший брат, толстая кожа — не всегда хорошо, — Хо Вэй сменил тему. — Мы пришли.

Они приземлились в глухом переулке, где накануне расстались с Бу Чэнем, но тот не появился, и они вышли из переулка, смешавшись с толпой на восточном рынке.

После ритуала жертвования душ прошлым вечером город Гуяо был так же оживлён, как и всегда, молодые лица сияли румянцем, словно ничего не произошло.

Этот город становился молодым и полным сил, сильные смеялись громко, а слабые тихо угасали, расплачиваясь за полученную жизнь.

Му Цинцзя шёл рядом с Хо Вэем, почти вплотную.

Младший брат был всего на три пальца выше, но его широкие плечи делали его более крепким и статным. Благодаря высокому росту и острому взгляду, хотя его лицо было красивым, никто не мог назвать его женщиной.

Му Цинцзя не мог не восхититься тем, как быстро тот маленький снежный ком, который был ниже его на полголовы, вырос выше него.

Он слушал звуки города Гуяо, и, поскольку у него уже была определённая мысль, он заметил, что почти не слышал голосов стариков, только молодых мужчин и женщин.

Увидев, что на рынке всё спокойно, он снова заговорил о теле и душе.

— Представь, что живое существо — это целая чаша, а тело госпожи градоправителя — это разбитая чаша, из которой постоянно вытекает вода. Поэтому она пытается перелить воду из чаш живых существ в свою разбитую чашу, чтобы заменить утечку души и сохранить чашу полной.

<http://bllate.org/book/16250/1461517>